

Хань Жуцзы покинул свое место еще до того, как его успели нагреть. Под конвоем Ян Фэна и группы евнухов он покинул зал Циньчжэн и направился в глубины внутреннего Императорского дворца. Он думал, что больше никогда оттуда не сбежит, но его шанс появился быстрее, чем его шаги могли идти.

Не успела процессия уйти далеко, как сзади послышались торопливые шаги. Цзин Яо прибежала, запыхавшись, и сказала то, чего никто не ожидал. «Пусть Его Величество вернется в зал Циньчжэн. Там... есть кое-что, с чем Вашему Величеству придется разобраться».

Хань Жуцзы не был к этому готов и стоял на месте, не зная, что делать. Его взгляд не мог не упасть на Ян Фэна, и вскоре он понял, что почти все смотрели на Ян Фэна, как будто именно он подготовил эту ситуацию. Особенно Цзин Яо, чей взгляд был жестоким, как будто он собирался в чем-то обвинить Ян Фэна.

Ян Фэн казался очень спокойным, что только усиливало всеобщие подозрения. Он спросил: «Это приказ вдовствующей императрицы?»

«Конечно», — сказала Цзин Яо.

Ян Фэн протянул руки. «Пусть господин Яо продемонстрирует доказательства».

Цзин Яо был потрясен. «Ты... ты...»

«Господин Цзин, прошу прощения, но правила таковы», — сказал Ян Фэн.

Лицо Цзин Яо покраснело, и он затопал ногами, поворачиваясь, чтобы вернуться в Зал. Но тут вперед прибежал еще один евнух. Цзо Цзи взял лист бумаги обеими руками и показал его Ян Фэну. «Указ вдовствующей императрицы здесь».

Ян Фэн взял его обеими руками и открыл, чтобы посмотреть. Он кивнул: «Хорошо. Пусть Его Величество вернется в зал Циньчжэн».

Итак, Хань Жуцзы пошел обратно. Его ноги болели от прогулки, которую он проделал в этот день, и он даже ничего не ел. И все же он почувствовал легкое волнение и резко пошел в Зал. Среди моря слуг он увидел потрясенное выражение лица принца Дунхая, и это показалось ему довольно забавным.

Цзо Цзи вытер пот со лба и небрежно сказал: «Вдовствующая императрица хорошо знает лорда Яна. Она сказала, что господин Ян осторожен и не подчинится непроверенному приказу. И это действительно так, хех».

Цзин Яо испытующе посмотрел на Ян Фэна, ненависть в его сердце становилась все глубже.

В зале воцарилась тишина, а Пять Доверенных Чиновников стояли отдельно, как будто опасаясь, что кто-то может подумать, что они сговорились друг с другом. На лицах у них было неловкое выражение, а все служащие в зале исчезли. По обе стороны двери в комнату вдовствующей императрицы стояли два евнуха, которые выглядели так, словно столкнулись с великим врагом.

Возле колонны сбоку зала стоял человек. По одежде было видно, что это евнух лет сорока. Внешность у него была обычная, но на лице отражалась необычная ярость. Он обнимал открытый шелковый футляр, выставив одну ногу вперед, другую назад, как будто готов был разбить голову о столб.

Это была странная сцена. На обратном пути Хань Жуцзы думал о различных возможностях, но не думал, что столкнется с такой ситуацией.

Ян Фэн тоже был ошеломлен.

Пять доверенных лиц получили особое разрешение от Отца Императора, освободившее их от ритуала поклона, пока они находились в Зале Циньчжэн. Но Шан-гуань Сюй не был включен в это число, поскольку он был новичком. Поскольку он впервые участвовал в собрании, он был очень осторожен и встал на колени, как только увидел Императора. Остальные пятеро посмотрели друг на друга, прежде чем последовать его примеру. И с этими словами Ян Фэн и остальные евнухи тоже преклонили колени, оставив стоять только Императора и евнуха у колонны.

Молодой тринадцатилетний император внезапно стал самым высоким человеком в комнате и почувствовал себя довольно беспомощным. Весь этикет, которому его учили чиновники Министерства обрядов и приличий, был бесполезен в такой ситуации, поэтому все, что он мог делать, это оставаться стоять, ожидая, пока кто-нибудь заговорит.

Ян Фэн выпрямил спину и сказал: «Лю Цзе, Зал Циньчжэн — не место для твоей наглости. Ты смеешь не встать на колени?»

Евнух по имени Лю Цзе опустился на одно колено и поднял шелковый футляр обеими руками. Он выглядел так, будто бросал вызов смерти, когда громко кричал: «Ваше Величество, возьмите печать!»

Хань Жуцзы бросил умоляющий взгляд на Ян Фэна. У него сложилось некоторое впечатление о Лю Цзе. Этот евнух присутствовал на каждой репетиции и был одним из многочисленных слуг императора. Он никогда не говорил ни слова, и никто никогда не представлял его. Хань Жуцзы понятия не имел каковы обязанности этого человека.

Ян Фэн оглядел комнату, прежде чем остановить свой взгляд на канцлере Инь Ухае. «Господин Инь, что происходит?»

Инь Ухай вымученно улыбнулся и несколько раз кашлянул, как будто потерял дар речи. Евнух Лю Цзе вмешался и сказал: «Лорду Яну не нужно спрашивать канцлера. Это все я». Глаза Лю Цзе были полны упрека. «Как Носитель Печати, я ношу Императорскую Печать только для Императора. Даже если бы сам Нефритовый Император [Бог даосской мифологии, правящий верхними небесными сферами] спустился в это царство смертных, он мог бы забыть о том, чтобы добровольно забрать у меня печать. Кажется, мне придется сегодня оскорбить вдовствующую императрицу и ваши светлости. Я предпочел бы быть разбитым нефритовым сосудом, чем целым глиняным горшком. Без приказа Императора я скорее убьюсь насмерть в этих залах и пролью свою кровь на печать».

Никто не осмелился ответить, но Хань Жуцзы почувствовал огонь в своем сердце. Оказалось, что Император был не просто марионеткой, о которой никто не заботился. Были еще люди, готовые умереть, чтобы защитить достоинство Императора.

Но он все равно молчал. Инстинктивно он понимал, что это деликатная и опасная ситуация — его неосторожное слово могло причинить большой вред этому верному Лю Цзе.

Среди присутствующих больше всех пострадал Цзин Яо. Как глава дворцовой прислуги, он был непосредственным начальником Носителя Печати Лю Цзе, и тем не менее такое зрелище произошло прямо перед вдовствующей императрицей. Но он не знал, что делать. «Лю Цзе, Его Величество здесь, почему ты не передаешь Императорскую печать? Сегодня день восхождения Его Величества. Твоя наглость — преступление, караемое уничтожением клана!»

«Я евнух, у которого нет ни семьи, ни клана. Моя жизнь связана с Императорской печатью, моя смерть не имеет значения». Лю Цзе посмотрел на Императора и слегка кивнул. Он сказал тихим голосом: «Пусть Ваше Величество возьмет печать. Из всего поднебесного только Ваше Величество может забрать эту печать из моих рук».

«Позвольте... Его Величеству... взять... печать». Канцлер Инь Ухай был главой всех чиновников Императорского двора, поэтому у него не было другого выбора, кроме как что-то сказать, но его голос был настолько расплывчатым, насколько это возможно.

Хань Жуцзы оставался неподвижным. Он посмотрел на комнату вдовствующей императрицы, где она сидела на судебных заседаниях, а затем на Ян Фэна рядом с ним.

Ян Фэн слегка поклонился и слегка толкнул императора в левый бок. Он тихо сказал: «Пусть Ваше Величество возьмет печать». Взгляд Ян Фэна, казалось, содержал тонкие намеки, но в таких случаях некоторые слова он никогда не говорил.

Хань Жуцзы и сделал шаг вперед. Ян Фэн остался на месте; он опустился на колени и не последовал за ним.